

ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируются причины отказа от введения суда присяжных в Сибири во время подготовки и принятия основного правового акта судебной реформы в крае в 1896 г. На основе архивных материалов рассматривается решение вопроса об учреждении суда присяжных в Восточной Сибири в начале XX в.

Ключевые слова: *суд присяжных, Восточная Сибирь, судебная реформа 1864 г.*

В Иркутске и других городах Сибири и Дальнего Востока 2 июля 1897 г. были открыты судебные учреждения на основе Судебных уставов 1864 г. Однако Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири от 13 мая 1896 г. не предусматривали суд присяжных.

Отказ от введения в Сибири суда с участием присяжных заседателей стал наиболее серьезным отступлением от принципов осуществления правосудия, установленных Судебными уставами 1864 г. Министр юстиции Н.В. Муравьев объяснял отсутствие в проекте Временных правил института присяжных заседателей значительным влиянием ссылки на состав населения и на его воззрения относительно значения и важности некоторых преступлений, а также недостаточным количеством лиц, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям, затруднениями для населения при больших расстояниях нести обязанности присяжных. Интересно замечание Е.А. Крестьянникова о том, что в действительности «никаких подсчетов числа сибирских жителей, соответствующих требованиям, предъявляемым законом к заседателям, накануне реформы не производилось» [5, с. 39].

Среди тех, кто оправдывал действия правительства, были только «Московские ведомости» и «Гражданин» в Санкт-Петербурге, которые писали, что наряду с установлением устного, публичного и состязательного суда Сибирь будет избавлена «от опытов применения на своей почве суда присяжных» [1, с. 2].

Другие печатные органы не признавали аргументы правительства истинными причинами. Автор статьи под псевдонимом О.Б.А. в «Русском богатстве», обрушившись с критикой на официальные разъяснения по поводу отступлений от Судебных уставов, отмечает, что из указания на малонаселенность края и большие расстояния вытекает лишь один довод, заслуживающий внимания: о том, что не хватит людей, удовлетворяющих цензу, установленному Учреждением судебных установлений, и повинность эта будет слишком тяжела для населения [7, с. 180].

Не находили серьезных препятствий к введению суда присяжных и представители общественности в самой Сибири. Характеризуя доводы правительства, «Восточное обозрение» считало, что политические причины могли иметь влияние на отправление правосудия только в вопросах чисто политических, а не обыкновенного бытового свойства. Значение же таких причин, как редкость населения, дальность расстояний и трудность сообщений – было слишком преувеличено [2, с. 1].

Считая, что введение суда присяжных в Сибири – дело недалекого времени, «Судебная газета» предположила, что он не будет введен там в форме соединенной коллегии, как это намечено комиссией Н.В. Муравьева для окраин вообще, потому что в этом отношении для Сибири нельзя привести никаких «политических соображений» [9, с. 3].

В конце XIX в. общественность высказала первые предположения об «истинных» причинах невведения этого демократического института в Сибири. Г. Джаншиев писал, что «препятствием к введению суда присяжных в Сибири служат не «местные условия», а главным образом та реакция против этого института, которая стала замечаться в конце 70-х годов, иначе чем же объяснить, что суд присяжных действует прекрасно с 1870 г. в Вятской и Пермской губерниях и не вводится до сих пор в соседней Оренбургской, где Судебные уставы были введены 20 лет спустя» [4, с. 3]. Такое же мнение высказал и автор из «Русского богатства»: «...Введение в Сибири суда присяжных несравненно в большей степени зависит от положения этого института в России и отношения к нему руководящих сфер, чем от местных особенностей и своеобразных условий Сибири, значение которых вообще чрезвычайно преувеличивается» [7, с. 183].

Но были и те, кто связал отсутствие суда присяжных в Сибири с неопределенностью перспектив самого института. По мнению Н.А. Громова, введение суда присяжных задерживалось в значительной мере тем, что основной вопрос о суде присяжных к 13 мая 1896 г. не был окончательно разрешен и взвешен в комиссии Н.В. Муравьева [3, с. 141]. Об этом же писали и «Русские ведомости», освещая открытие судебных учреждений Сибири [8, с. 3]. Некоторое время спустя на это обстоятельство указал и С.П. Мокринский [6, с. 154].

После открытия новых судебных учреждений в Сибири вопрос о введении суда присяжных в регионе поднимался неоднократно.

В первый раз вопрос об учреждении суда присяжных был возбужден в 1898 г. и рассматривался в 1899 г. в комиссии Н.В. Муравьева по пересмотру Судебных уставов. Министр предлагал повсеместно ввести два состава суда присяжных – общий и особый (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 1–3). В 1901 г. во внесенном в Госсовет представлении по пересмотру судебного законодательства Н.В. Муравьев на основании заключений совещаний, а также изложенного мнения комиссии указал на необходимость введения суда присяжных на общих с внутренними губерниями основаниях только в Тобольской и Томской губерниях. Изменения, предлагаемые министром, касались имущественного ценза и замены участковых земских начальников, которых в Сибири не было, на крестьянских начальников (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 910. Л. 11). Официально решение вопроса о введении суда присяжных в Сибири было перенесено на более позднее время, в связи с тем что ко времени завершения работ комиссии Н.В. Муравьевым не были получены подробные необходимые сведения (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 910. Л. 10 «б», 11). С закрытием комиссии вопрос о введении суда присяжных остался не решенным. С.В. Чечелев предположил, что решающую роль в решении не торопиться с проведением реформы оказала записка, составленная старшим председателем Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичем и прокурором той же палаты С.Г. Коваленским от 4 декабря 1899 г. на имя председателя Первого департамента Министерства юстиции, в которой они высказались против введения присяжных «ввиду малочисленности грамотного населения, громадно-

сти расстояний, обременением тем тягости повинности присяжных для населения» [10, с. 226]. В действительности в представлении министра юстиции И.Г. Щегловитова по вопросу о введении суда присяжных в губерниях Енисейской и Иркутской и областях Забайкальской и Амурской Председателю Совета министров В.Н. Коковцеву от 21 декабря 1911 г. указывалось, что на основании заключений бывшего старшего председателя и прокурора Иркутской судебной палаты Н.В. Муравьев признал введение суда присяжных в Восточной Сибири и Приамурском крае преждевременным (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 3).

Спустя пять лет в 1904 г. к председателям и прокурорам судебных палат из министерства обратились с просьбой сообщить министру юстиции для доклада заключение о том, «не представляется ли в настоящее время за последующим культурным и экономическим развитием Сибири возможным прийти к иному разрешению поставленного вопроса, и если невозможно ввести общий и особый состав на общих с внутренними губерниями основаниях, то, может, ввести форму суда присяжных особого состава в некоторых из сибирских губерний и областей» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 907. Л. 62).

Из Иркутской судебной палаты сообщили, что за последние пять лет условия общественной жизни и состав населения Сибири почти не изменились и данные по вопросу о введении суда присяжных остаются в силе. Ввиду малочисленности и редкости населения таких губерний, как Иркутская и Енисейская, а также при больших расстояниях и незначительном общем числе лиц, удовлетворяющих требованиям, суд присяжных общего состава не мог быть введен. Он явился бы «повинностью слишком тяжелой» и представлял бы непреодолимые трудности при образовании состава присяжных заседателей на каждую сессию вне губернского или областного города. Особый состав мог бы быть введен в губерниях Иркутской и Енисейской и областях Забайкальской и Приморской при условии понижения предложенного комиссией размера ценза, «включением в число лиц, обладающих имущественным цензом и окончивших курс городских училищ или обладающих образовательным цензом, владеющих на правах собственности недвижимым имуществом ценой не менее 1000 р. или получающих жалование, вознаграждение за труд или доход не менее 500 р.» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 907. Л. 70).

Вместе с тем в Якутской и Амурской областях даже при пониженном цензе было бы трудно собрать нужное число претендентов для вхождения в суд присяжных.

Состав суда, в который будут входить главным образом чиновники, имеющие мало общего с местным населением, при необходимости понижения образовательного ценза, по личному мнению председателя Иркутской судебной палаты Н.П. Еракова, «едва ли принесет существенную пользу делу отправления правосудия в Сибири» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 907. Л. 62, 72).

В 1908 г. Н.П. Ераков доложил министру юстиции И.Г. Щегловитову свое мнение о возможности и желательности введения суда присяжных в Иркутском судебном округе, за исключением Туринского края, Камчатской области и округа Пограничного окружного суда, ввиду изменившихся условий сибирской жизни вследствие притока переселенцев, развития промышленности, общего подъема культуры в крае (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 1).

При рассмотрении законопроекта о введении суда присяжных в Западной Сибири комиссия по судебной реформе, заслушав представителей Енисейской

губернии и Забайкальской области, постановила выразить пожелание о скорейшем введении суда присяжных в Енисейской и Иркутской губерниях и Забайкальской области (РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 907. Л. 223).

Вскоре после учреждения института присяжных заседателей в Западной Сибири законом 10 мая 1909 г. администрациям Восточной Сибири и Приморского края было поручено собрать информацию и, обсудив вопрос в особом совещании, дать свое заключение по поводу возможности введения суда присяжных в регионе. При этом министр юстиции рекомендовал руководствоваться требованиями ст. 81–88 Учреждения судебных установлений, с учетом требований закона от 10 мая 1909 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 478. Л. 1).

В 1909 г. были собраны все необходимые сведения. При составлении списков возникали курьезы. Например, Ачинский городской голова спрашивал у Енисейского губернатора, можно ли вносить в списки евреев (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 478. Л. 26). Енисейского губернатора волновал вопрос внесения в списки лиц, владеющих землей не на праве собственности, так как «лиц, владеющих землей не менее 20 дес., в губернии не более 20–25» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 478. Л. 28).

В течение 1910 г. примерные списки присяжных заседателей, журналы губернских и областных совещаний были представлены в министерство юстиции. Особые совещания в целом высказались за введение суда присяжных. Енисейское особое совещание высказалось за «полностью возможное и желательное введение суда присяжных», заметив при этом, что малолюдность и недостаток лиц, отвечающих цензу, в Туруханском крае и Усинском пограничном округе не должны быть препятствием для введения суда присяжных в этих местностях. Ознакомившись со списками, совещание признало их «весьма приуменьшенными», особенно по Ачинску и его уезду (всего 365 лиц, так как не были учтены крестьяне и казаки, «вечно владеющие на праве собственности землей») (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 478. Л. 80).

Иркутское особое совещание единогласно высказалось за введение суда присяжных, за исключением Киренского уезда (всего 123 лица, могущих быть присяжными), так как в нем было недостаточно лиц для пополнения присутствия Иркутского окружного суда в трех его сессиях, намеченных для ежегодного выезда в г. Киренск (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 3).

Забайкальское особое совещание считало вполне возможным введение суда присяжных при условии применения ст. 105 Учреждения судебных установлений (ежегодный призыв одних и тех же лиц, с учетом того, что в случае предполагаемого изменения границ уездов будут включены волости и села соседнего уезда и в результате увеличится население). В Акшинском, Селенгинском и Троицко-Савском уездах, хотя большинство внесенных в списки лиц и составляли казаки, крестьяне или инородцы, не обладающие большим образовательным цензом, совещание считало, что нет оснований опасаться, так как оседлое население этих уездов по сравнению с крестьянской массой Центральной России более зажиточно и развито. В Баргузинском уезде суд присяжных не мог быть введен «и по количеству лиц, и по тому, что селения разбросаны друг от друга и нет удобных путей сообщения, да и число значительных дел, возникающих в этом уезде, не значительно». Амурское областное совещание также высказалось за введение суда присяжных (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 4–5).

Однако иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев отметил, что совещания (Иркутское и Забайкальское) учитывали только численность населения и не коснулись вопроса о том, насколько успешно может местное население по умственному и нравственному развитию исполнять обязанности присяжных заседателей. Генерал-губернатор подчеркивал, что, хотя с 1900 г. Сибирь перестала служить местом ссылки, в Иркутск продолжают прибывать ссыльные после каторжных работ до 1400 человек в год. В некоторых уездах ссыльных было больше, чем коренного населения. Ссыльные не желают возвращаться в Европейскую Россию и остаются в Сибири, где сравнительно легче получить средства к жизни, зачастую нелегальным путем. Все они оседали в уездах, так как по закону им запрещено проживать в губернских городах, «что пагубно влияет на местных жителей, на их нравственный уровень». Таким образом, считал генерал-губернатор, людей, заслуживающих полного доверия общества, найдется весьма мало. При таких условиях и при отсутствии интеллигенции, по его мнению, местное население будет преследовать личные, а не общественные интересы, а добропорядочные лица не всегда найдут в себе гражданское мужество (из-за опасения мести, отсутствия полицейской охраны), чтобы высказаться за осуждение преступника. По его мнению, Иркутск, Красноярск, Чита находятся совсем в других условиях, в них много лиц, которые по своему образованию, умственному развитию и общественному положению могут вполне беспристрастно, с полным достоинством нести важные обязанности присяжных заседателей. Поэтому он считал возможным введение суда присяжных только в городах, а в уездах преждевременным (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 5).

Независимо от этих отзывов И.Г. Щегловитов в целях всестороннего освещения данного вопроса обратился к сенатору А.А. Глицинскому, который при производстве ревизии некоторых учреждений и установлений Сибири ознакомился с местными условиями. А.А. Глицинский уведомил министра, что этот вопрос «в настоящее время едва ли с пользою для интересов правосудия может быть разрешен в утвердительном смысле» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 5). Сенатор также отметил, что до 1900 г. этот край был местом ссылки. По его словам, такое сосредоточение преступного элемента в крае, не имеющем в достаточной мере правосознания, при отсутствии надлежащего надзора со стороны полиции, не только крайне малочисленной, но и вряд ли достаточно надежной и подготовленной, не может не отразиться на местном населении, а события 1905–1906 гг. служат убедительным доказательством того «растлившего» влияния, которое ссылка оказала на Восточную Сибирь. Помимо ссылки, население Восточной Сибири, в особенности Забайкальской, Приморской и Амурской областей, испытывает негативное влияние пришлых инородцев – китайцев и корейцев. Переселенцы также признаны были ненадежным элементом, так как лучшее крестьянское население, оседлое и обеспеченное, оставалось в Европейской России. Убедился сенатор и в том, что умственное и нравственное развитие населения Восточной Сибири недостаточно для суда присяжных, и в случае введения суда присяжных «лица были бы лишены самообладания, спокойствия и беспристрастности, без чего немислимо отправлен правосудия». Признавая, что строгая репрессия является одним из важнейших условий для обеспечения в Восточной Сибири порядка, спокойствия и безопасности, сенатор полагал, что введение суда присяжных преждевременно (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 6).

В заседании общего собрания Государственной думы 12 мая 1911 г. при рассмотрении законопроекта Министерства юстиции об усилении штатов некоторых судебных установлений было выражено пожелание рассмотреть вопрос о введении суда присяжных в Восточной Сибири и Приамурском крае. Министр юстиции И.Г. Щегловитов 21 декабря 1911 г. направил представление по вопросу о введении суда присяжных в губерниях Енисейской и Иркутской и областях Забайкальской и Амурской Председателю Совета министров В.Н. Коковцеву. Опираясь на решение Н.В. Муравьева в 1901 г., министр юстиции И.Г. Щегловитов представил данный вопрос В.Н. Коковцеву на дальнейшее рассмотрение Советом министров. В представлении повторялось высказанное генерал-губернатором Л.М. Князевым и сенатором А.А. Глищинским мнение об уровне развития населения края (РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 2).

В то же время старший председатель Иркутской судебной палаты Н.П. Ераков высказывал свое мнение министру юстиции ежегодно при личных докладах в 1910–1913 гг., ссылаясь на учреждение суда присяжных в Омской судебной палате, находящейся в этнографическом и культурном отношении в подобных условиях, и И.Г. Щегловитов относился к этому вопросу вполне благожелательно (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 2).

Поскольку после изменений в законодательстве 70–80-х гг. XIX в. роль суда присяжных в уголовном суде снизилась, а присяжные Западной Сибири вполне «оправдали» надежды правительства в плане достаточно высокой репрессивности даже в сравнении с Европейской Россией, то остается только признать справедливость объяснений генерал-губернатора Л.М. Князева, сенатора А.А. Глищинского и согласившегося с ними правительства. Но в то же время остается непонятным, почему глава судебной власти в Восточной Сибири Н.П. Ераков высказывался за введение суда присяжных, а глава исполнительной власти той же части России Л.М. Князев – против. Ответом на этот вопрос может быть только указание на субъективный фактор. Это доказывается и тем, что в 1913 г. Н.П. Еракову сообщили, что вопрос был вновь отложен из-за отрицательного заключения Л.М. Князева и А.А. Глищинского и не может быть разрешен, если генерал-губернатор не изменит своего заключения.

В начале 1913 г. по поручению министерства юстиции Н.П. Ераков лично вступил в переговоры с Л.М. Князевым и после сношений с иркутским, енисейским и забайкальским губернаторами в письме от 30 апреля 1914 г. на имя Щегловитова высказался за своевременное и желательное введение в названных губерниях суда присяжных. В этом же смысле дал заключение в отношении Амурской и Приморской областей амурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Ввиду этого в июне 1914 г. вновь был поставлен вопрос об образовании комиссии и совещания, как в 1909 г., они работали в 1914 и 1915 гг. В Иркутском совещании в 1914 г. присяжный поверенный Стравинский высказался за введение суда присяжных на всей территории Восточной Сибири, включая Якутскую область и другие отдаленные местности, но с ним был не согласен Н.П. Ераков, который относился с сомнением к возможности введения этого института в отдаленных местностях. Во всяком случае тогда этот вопрос не разрабатывался и не мог быть решен без предварительного сбора статистического материала. Эти работы были сосредоточены в губернском и областном управлениях, и результаты должны были быть представлены губернаторами в Министерство юстиции непосредственно (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 3). В 1914 г. С.П. Мокринский писал, что

законопроект о распространении суда присяжных на губернии Енисейскую и Иркутскую и области Забайкальскую и Амурскую разрабатывается Министерством юстиции и в ближайшем будущем будет внесен на рассмотрение законодательных учреждений [6, с. 158]. Но из-за войны и последовавшей революции дело на том и остановилось (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 3). Поэтому вопрос об учреждении суда присяжных в Восточной Сибири царским правительством так и не был решен.

К вопросу об учреждении суда присяжных в Восточной Сибири обратилось Сибирское правительство. Согласно Постановлению Совета министров от 10 января 1919 г. институт присяжных заседателей вводился на территории Восточной Сибири, за исключением Камчатской области и полосы отчуждения по линии КВЖД. Закон вводился в сроки по усмотрению министра юстиции с предоставлением министру права введения его в действие в указанных местностях по частям (городам, уездам), по мере получения из отдаленных районов нужных сведений в течение 1919 г. (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 102, 103). С этой целью в окружных судах предлагалось учредить особую комиссию под председательством председателя окружного суда, члена окружного суда по назначению общего собрания отделений суда, городского головы, председателя уездного земского управления и прокурора окружного суда, с привлечением к работе лиц, которые могли дать необходимые сведения. Были составлены списки лиц, которые могли быть присяжными. Всего таких лиц нашлось в г. Минусинске – 372 чел., по Канскому уезду – 523, по Минусинскому – 3853, по Ачинскому – 6543 (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1 Д. 351. Л. 29–31, 35). В условиях надвигающегося кризиса собрать необходимые сведения было достаточно проблематично, поэтому хотели привлечь материалы, собранные в 1909–1910 гг. Но все наряды с перепиской после захвата власти большевиками были утеряны, по предположению Н.П. Еракова, они погибли во время декабрьских событий 1917 г. в Иркутске. После оценки положения «ввиду смуты и озлобления» старший председатель Иркутской судебной палаты сообщил в Министерство юстиции, что необходимо отсрочить введение суда присяжных до июля – октября 1919 г. (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 63). Распоряжением министра юстиции о сроке введения в действие суда с участием присяжных заседателей в Иркутске и Нижнеудинске, в Красноярске, Чите и Верхнеудинске с уездами, Благовещенске, Владивостоке, Никольске, Уссурийске и Хабаровске был назначен срок – 20 декабря 1919 г., а в остальных местностях – 1 марта 1920 г. (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 476. Л. 190, 196–198).

О деятельности суда присяжных в Восточной Сибири судить трудно. Известно, что в апреле 1919 г. министр путей сообщения обратился с просьбой к министру юстиции освободить начальников железной дороги, их помощников и начальников службы пути, тяги, движения и телеграфа от обязанности присяжных заседателей, так как это отвлекает их от прямых обязанностей, что даже на самое короткое время невозможно без существенного вреда для дела улучшения транспорта, поэтому министр юстиции просил председателя судебной палаты и председателей окружных судов принять зависящие от них меры, чтобы ходатайства управлений железной дороги перед сессиями окружного суда незамедлительно удовлетворялись (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 352. Л. 5).

Таким образом, отказ от введения суда присяжных в Сибири в конце XIX в. был связан, скорее, с отношением к самому институту в правительственных

кругах, чем с политикой в отношении края. В дальнейшем решение вопроса о введении суда присяжных было связано с развитием края, увеличением численности населения и повышением уровня его правосознания. Из переписки чиновников различных уровней и ведомств видно, что основным препятствием к учреждению суда присяжных в Восточной Сибири, как и в Западной, являлся недостаток лиц, отвечающих требованиям закона. При этом чрезмерное понижение ценза было невозможно вследствие того, что в дореволюционной России участие в суде в качестве присяжного заседателя рассматривалось не как право, а как обязанность, которую могли исполнять лица определенного уровня благосостояния.

Библиографический список

1. Введение судебной реформы в Сибири // Московские ведомости. 1897. 30 июля. № 207.
2. Восточное обозрение. 1895. 31 мая. № 63.
3. Громов Н.А. О возможности введения суда присяжных в Томской губернии // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10. С. 141–147.
4. Джанишев Г. Возможен ли в Сибири суд присяжных // Русские ведомости. 1897. 26 сент. № 266. С. 3.
5. Крестьянников Е.А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отечественная история. 2008. № 4. С. 37–47.
6. Мокринский С.П. Официальная оценка деятельности суда присяжных // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг.: Сенат. тип., 1914. Т. 2. С. 154–159.
7. О.Б.А. // Русское богатство. 1897. Кн. 7. С. 176–183.
8. Судебная реформа в Сибири // Русские ведомости 1897. 26 июля. № 204. С. 3.
9. Судебная реформа в Сибири // Судебная газета. 1897. 13 июля. № 28. С. 2–4.
10. Чечелев С.В. Введение суда присяжных заседателей в Сибири в начале XX в. // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: Мат-лы Междунар. конф. Самара, 2001. С. 226–230.